

# СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

*МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ СЕРГЕЕВ*

кандидат филологических наук,  
научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала  
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова  
Российской академии наук,  
Санкт-Петербург, Россия;  
e-mail: librorumcustos@gmail.com



## Аспекты самопрезентации ученого в XVI веке (на материале посвяtitельных писем к ранним публикациям Конрада Гесснера)

УДК: 159.923:001.32"17"

DOI: 10.24412/2079-0910-2023-3-37-57

В статье рассматривается проблема самоидентификации ученого-полимата XVI в. и ее выражения в научных публикациях. Материалом исследования послужили посвяtitельные письма (*epistolae nuncupatoriae*) к ранним сочинениям швейцарского филолога и натуралиста Конрада Гесснера (1516–1565). Из всех паратекстов для посвяtitений и предисловий наиболее характерно выражение авторской индивидуальности через автобиографические экскурсы: Гесснер активно использовал эту возможность для самопрезентации и установления научных связей. Учитывая то обстоятельство, что Гесснер не вел дневников, не писал воспоминаний, а его сохранившаяся переписка охватывает преимущественно более поздний период, автобиографические свидетельства в паратекстах оказываются важнейшими эго-документами, позволяющими реконструировать ранний этап биографии Гесснера и изучить опыт его профессионального самоопределения. В статье комментируются посвяtitения к работам медицинского и ботанического содержания, написанным в конце 1530-х гг. и изданным несколькими годами позже: “*Historia plantarum et vires*” (1541); “*Actuarius. De differentiis urinarum*” (1541); “*Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*” (1542); “*Catalogus plantarum*” (1542). Их публикация пришлась на период, когда Гесснер оставил преподавание греческого языка в Лозанне и, вернувшись в Цюрих, активно занялся медициной и естественными науками. Как показал анализ посвяtitельных писем, для самопрезентации Гесснера уже в эти годы был характерен синтез идентичностей врача и грамматика. С одной стороны, их автор демонстрировал начитанность, владение древними языками, приверженность гуманистическим идеа-

лам, которые он собирался перенести в изучение медицинских вопросов. С другой стороны, он ссылался на опыт практического изучения ботаники, утверждая, что тот необходим для занятия естественными науками. Основной круг ученых знакомств Гесснера составляли на тот момент его школьные и университетские учителя — к ним он обращался за поддержкой, выражая готовность следовать их советам и соблюдать правила общения, принятые в республике ученых.

**Ключевые слова:** история науки, XVI в., ботаника, медицина, филология, самопрезентация, автобиографии, ученые-полиматы, ученый на раннем этапе карьеры, научное сообщество.

## Признательность

Это эссе я с благодарностью посвящаю академику Николаю Николаевичу Казанскому, поддерживавшему и ободрявшему меня в первых филологических опытах.

### 1

Паратексты<sup>1</sup> печатных книг раннего Нового времени выполняли множество функций: легитимировали сам факт публикации и сообщали ей точные библиографические параметры (титульный лист, издательская привилегия), облегчали информационный поиск (пагинация и фолиация, колонтитулы, типографские маргиналии, указатели), связывали сочинение с научной традицией (предисловия, библиографические сноски и списки)<sup>2</sup>. Кроме того, с помощью них публикуемый труд помещался в актуальный научный, общественный, а часто и политический контекст. Помимо представления замысла и достоинств книги, в паратекстах осуществлялась самопрезентация автора, иногда шаблонная, избоблюющая топосами и риторическими фигурами, но иногда — более индивидуализированная, включающая фрагменты автобиографического нарратива.

Состав и содержание вступительной части в научных изданиях XVI в. отличались большой вариативностью и, как правило, отвечали потребностям двух основных действующих лиц: с одной стороны, автора (в том числе переводчика, составителя комментариев и т. п.), обосновывавшего полезность своего сочинения и стремившегося найти покровителя для продолжения ученых занятий; с другой стороны, издателя, рекламировавшего новую публикацию (а заодно и другие продукты собственной типографии) возможно широкому кругу читающей публики.

В данной статье будут рассмотрены посвянительные письма, написанные автором-гуманистом, который только начинал свой путь в науке. Речь пойдет о швейцарском полимате Конраде Гесснере (1516–1565) и его публикациях 1541–1542 гг. К началу их издания он уже участвовал в нескольких печатных трудах (в первую

<sup>1</sup> То есть все то, что сопровождает в издании самый текст книги, — от титульного листа до списка “Errata” и колофона. Об истории термина, предложенного Жераром Женеттом, см. на русском языке: [Титова, 2019].

<sup>2</sup> См. подробнее, с библиографией: [Lewis, 2008]. Ср. также на материале предисловий в русских изданиях XVIII в. [Кочеткова, 2020].

очередь, в редактировании греческо-латинского словаря), однако ему только предстояло получить докторскую степень (в 1541 г.<sup>3</sup>).

## 2

Интерес исследователей к посвячительным письмам и предисловиям “Ad lectorem” в сочинениях Гесснера имеет давнюю историю. Действительно, они привлекали к себе внимание как его биографов, так и историков науки и книги XVI в., однако это внимание могло быть обусловлено тремя различными причинами.

Во-первых, содержащиеся в таких паратекстах автобиографические свидетельства часто являются единственным источником сведений о тех или иных событиях жизни автора. Особенно это справедливо применительно к начальному периоду научных занятий Гесснера (до публикации первого тома «Универсальной библиотеки» в 1545 г.)<sup>4</sup>. Дело в том, что от этих лет почти не сохранилась переписка<sup>5</sup>; дневников, насколько известно, Гесснер не вел; “Liber amicorum” (альбом с автографами гостей Гесснера) охватывает лишь 1555–1565 гг.<sup>6</sup> Автобиография Гесснера, предвещающая рассказ о его собственных сочинениях в “Bibliotheca universalis” [Gessner, 1545, f. 179b–180b], посвящена преимущественно годам учебы. Важно заметить, что в этом очерке Гесснер не повторяет автобиографических сюжетов, изложенных им в предисловиях к уже вышедшим на момент ее публикации книгам.

Во-вторых, паратексты Гесснера представляют интерес для социологии науки — как источник по истории развития социальных форм научной деятельности, формальных и неформальных научных институтов XVI в. В них содержатся примечательные сведения о создании научных сетей обмена информацией, правилах и механизме такого обмена<sup>7</sup>; о деятельности образовательных учреждений (университетов, академий, школ) и их роли в развитии научных исследований; об отношениях между учеными и меценатами, условиях и возможностях для покровительства наукам<sup>8</sup>.

В-третьих, как и Эразм Роттердамский (ок. 1466–1536) несколькими десятилетиями ранее<sup>9</sup>, Гесснер, начиная с первых своих публикаций, придавал большое значение форме печатных изданий, что отвечало важнейшей для его научного творчества задаче — поискам оптимального способа представления научного знания<sup>10</sup>. Значительную роль в этом играли паратексты, позволявшие организовать публикуемый материал и помочь читателю ориентироваться в нем. По подсчетам Энн

<sup>3</sup> См. ниже.

<sup>4</sup> См.: [Leu, 2016, S. 50–174].

<sup>5</sup> См. хронологический обзор сохранившихся писем и данные о числе корреспондентов Гесснера: [Delisle, 2008, p. 48–50].

<sup>6</sup> [Durling, 1965].

<sup>7</sup> См. также указатель корреспондентов Гесснера, составленный У. Леем: [Leu, 2016].

<sup>8</sup> См., например: [Blair, 2017; Goeing, 2013; Grafton, 2019]. Ср. также о поиске Гесснером покровительства у английских правителей: [Nutton, 2018, p. 17–18].

<sup>9</sup> См.: [Vanautgaerden, 2012; Blair, Patton, 2021].

<sup>10</sup> Ср.: [Сергеев, 2018, с. 106–107].

Блэр, общее число предисловий, посвячительных писем, оглавлений и указателей в прижизненных изданиях трудов Гесснера достигает двух сотен. Иными словами, Гесснер с помощью паратекстов активным образом формировал облик собственных книг<sup>11</sup>.

Кроме названных аспектов, паратексты Гесснера явным образом выражают его индивидуальность — не только на уровне формы (оказывающейся объектом рефлексии и экспериментов), но и в самом содержании: в них регулярно включаются воспоминания, отсылки к личному опыту. Таким образом, они представляют интерес также для исследований автобиографического нарратива и личности автора в эпоху Ренессанса<sup>12</sup>.

### 3

Среди паратекстов проявление автобиографизма наиболее свойственно посвящениям, имевшим обычно форму письма (*epistola nuncupatoria*) и, таким образом, представлявшим заочный диалог автора с его адресатом. Впрочем, отнесение таких текстов к эпистолярному жанру<sup>13</sup>, как и в случае с научными *письмами* того же периода<sup>14</sup>, вовсе не означало, что публикуемый текст носил частный, закрытый характер. Напротив, они изначально предназначались для широкой публики, однако формальные рамки письма, заданные обращением к адресату и завершающими формулами, в какой-то мере легитимировали доверительные, интимные интонации и/или автобиографические отступления, отсылки к общим для автора и адресата «письма» воспоминаниям. Впрочем, и специальные автобиографические тексты, написанные в ту же эпоху, подразумевали акт коммуникации и определенную публичность, отсюда их продуманное риторическое устройство<sup>15</sup>.

В своей новой работе Карл Эненкель выделил 11 аспектов самопрезентации гуманистов, проявляющихся в автобиографиях [Enenkel, 2022]. Большинство из них (в том числе, идентификация с тем или иным античным автором или жанром классической литературы) действительны и для автобиографических нарративов, включенных в научные публикации. Однако наибольшее значение для авторов-ученых, вероятно, имели три момента: языковая идентичность — использование новой латыни или, наоборот, одного из новых европейских языков<sup>16</sup>; взаимодействие с определенными институтами и меценатами; а также групповая идентичность — принадлежность к «республике ученых» (*respublica literaria*)<sup>17</sup>. В связи с этим следует иметь в виду наблюдение Стивена Гринблатта о том, что ренессансный автобиографический нарратив, наряду с «высвобождением» авторского «я», также отчетливо де-

<sup>11</sup> См.: [Blair, 2016].

<sup>12</sup> См., в первую очередь: [Enenkel, 2008].

<sup>13</sup> О значении эпистолярной практики для культуры гуманистов см.: [Papy, 2015].

<sup>14</sup> Ср.: [Delisle, 2004].

<sup>15</sup> Ср.: [Enenkel, 2008, S. 34].

<sup>16</sup> О культурном аспекте языкового выбора и новых требованиях, предъявлявшихся к латинской речи в эпоху Ренессанса, см.: [Leonhardt, 2011, S. 186–244; Баксандалл, 2023].

<sup>17</sup> О принципах ее организации см.: [Bots, 2018].

монстрировал подчинение: речь идет о принятии определенных правил поведения и письма [Гринблатт, 1999]. Разумеется, посвящение своего труда определенному лицу или институту подразумевало соблюдение некоторых условий и — в известной мере — демонстрацию покорности<sup>18</sup>: этот аспект будет учитываться далее при разборе паратекстов Гесснера, при этом я буду обращать внимание на варьирование авторской идентичности.

Выбор адресата посвящения<sup>19</sup> и степень индивидуализированности текста — преобладание рефлексии, автобиографизмов или, напротив, общих мест, — несомненно, были для начинающего автора способом преподнести себя ученому миру, определить границы своей компетенции и своих претензий. Статус новичка, ограниченный круг знакомств обуславливали обращение (адресацию в буквальном смысле или упоминание) к учителям, школам, университетским друзьям и коллегам. Некоторые из них могли оказать непосредственную поддержку в научных занятиях, другие помогали своим именем, позволяя получить протекцию со стороны влиятельных персон, научных институтов и органов власти<sup>20</sup>. Для демонстрации познаний в классических текстах и языках недостаточно было ссылки на школу и учителей — лучше всего они проявлялись *на деле* (“*hic Rhodus, hic salta*”): в выборе слов и выстраивании периодов, переключении языковых кодов, подборе цитат, прочтении сложных мест из текстов, объяснении терминов, описании литературной традиции и т. п. Существенное значение имела также апелляция к собственному читательскому и авторскому опыту, требовавшая, впрочем, проявления скромности и даже известного самоуничижения.

#### 4

Среди публикаций Конрада Гесснера, предшествующих выходу его первого *opus magnum* — «Универсальной библиотеки» (1545), принесшей ему европейскую известность, — можно выделить две приблизительно равные по количеству и значимости группы работ: соответственно, филологические и медицинские труды. К первой группе относятся греческо-латинские словари (1537, 1541, 1543 и 1545 гг.), латинский «Ономастикон» к словарю Калепино (1544), переводы схолий к Аристотелю Михаила Эфесского (1541) и «О пещере нимф» Порфирия (1542), издания «Сентенций» Стобея (1543) и эпиграмм Марциала (1544); ко второй — перечни заместительных лекарственных средств (1540), а также рвотных и слабительных препаратов (1543), “*Historia plantarum et vires*” (1541), компендий из трудов Актуария и Галена по уриноскопии и составлению лекарств (1541), книга о молоке и молочных

<sup>18</sup> О групповой идентичности и социальных аспектах «открытия Я» см.: [Зарецкий, 2022, с. 32–43].

<sup>19</sup> Важность этого выбора учитывала библиография XVI в.: например, в «Большой французской библиотеке» Лакруа дю Мэна библиографические описания должны были включать следующие сведения о книгах: «у кого они напечатаны, в какую величину, в котором году, сколько в них листов, а главное, имена тех мужей либо дам, кому они посвящены, не упустив всех их титулов» (см.: [Шартье, 2006, с. 59]).

<sup>20</sup> О социальных ролях писателей и ученых в раннее Новое время и институтах, покровительствовавших им, см., например: [Живов, 1997].

продуктах<sup>21</sup> (1541), “Apparatus et delectus simplicium medicamentorum” (1542) и четырехязычный словарь названий растений “Catalogus plantarum” (1542)<sup>22</sup>. Жанр словаря и практика перевода востребованы в обеих группах изданий; однако для медицинских работ, хотя они также опираются на античную традицию, помимо специальной тематики, характерна практическая направленность.

Как известно из разных источников, Гесснер в 1536 г. начал изучать медицину в Базеле, однако затем переехал в Лозанну, где несколько лет (в 1537–1540 гг.) преподавал греческий язык в только что основанной протестантской академии [Olivier, 1951; Crousaz, 2012]. Профессорскую должность он смог получить после выхода в 1537 г. нового издания «Греческо-латинского лексикона», в котором он принимал деятельное участие. Однако в течение лозаннского периода Гесснер также проявлял заметный интерес к медицине и естественным наукам — так, например, он читал со студентами “Theriaca” (поэму об укусах ядовитых животных и их лечении) Никандра из Колофона, причем этот текст определенно не входил в обязательную программу изучения греческого. Кроме того, именно в Лозанне, как следует из сообщения в автобиографии (“omnes vero Lausannae mihi conscripti sunt”<sup>23</sup>), он подготовил большинство из только что упомянутых трудов медицинского и ботанического содержания<sup>24</sup>, однако вышли они несколькими годами позже.

Как видно, преподавая грамматику, Гесснер думал о том, чтобы заняться медициной. Однако осуществление этих планов началось только в 1540 г., когда цюрихский городской врач Кристоф Клаузер (?–1552) убедил его оставить выгодное профессорское место в Лозанне (в автобиографическом очерке Гесснер отдельно упоминает «щедрое жалованье»<sup>25</sup>, которое он получал) и продолжить медицинское образование. Именно этим временем (летом 1540 г.) датирован колофон первого из изданий лозаннских трудов. В 1540–1541 гг. последовали учебные поездки в Монпелье и Базель, получение степени доктора медицины и устройство в Цюрихе — на должность преподавателя (*lector*) философии, математики, естественных наук и этики в *Schola Tigurina* (место *professor physicae* он получил в 1546 г.). Гесснер также начал вести медицинскую практику, однако об этой стороне его деятельности вплоть до 1554 г. (когда он занял должность городского врача) почти не сохранилось свидетельств<sup>26</sup>.

Таким образом, если основной текст гесснеровских работ по медицине, вышедших в 1541–1542 гг., был полностью или большей частью написан еще в спокойные лозаннские годы (о которых Гесснер восклицает: “dulcissime vixi”<sup>27</sup>), то посвящения

<sup>21</sup> “Opera lactaria” — ср. истолкование этого термина в тексте: “cibarium est quod ex lacte conficitur” («пища, изготавливаемая из молока») [Gessner, 1541b, p. 8–9].

<sup>22</sup> Библиографические описания этих изданий см.: [Wellish, 1975, p. 177–187].

<sup>23</sup> [Gessner, 1545, f. 181b].

<sup>24</sup> В порядке их перечисления в «Библиотеке»: *Historia plantarum et vires*. Basel, 1541; *Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*. Lyon, 1542; *Actuarius. De differentiis urinarum*. Galenus. *de compositione pharmacorum secundum locos affectos*. Zürich, [s. a.]; “*Succidorum medicaminum tabula*” в кн.: *Actuarius. De medicamentorum compositione*. Basel, 1540; *Catalogus plantarum*. Zürich, 1542 [Gessner, 1545, f. 180b–181b].

<sup>25</sup> “*Liberale stipendium*”: [Gessner, 1545, p. 180b].

<sup>26</sup> [Leu, 2016, S. 83–84, 97]; о медицинских сочинениях Гесснера см.: [Müller, 2016].

<sup>27</sup> [Gessner, 1545, p. 180b].

к ним, традиционно сочинявшиеся при публикации книги, запечатлели уже события и настроения Гесснера периода перемен. И если отразившиеся в этих публикациях общие представления о принципах издания и перевода античных авторов, о необходимости создания новых учебных и справочных пособий, наконец, о взаимоотношении филологии<sup>28</sup> и естественных наук и т. д. складывались у Гесснера на протяжении многих лет, то образ автора, который он создает в посвящениях к этим книгам, должен был соответствовать его новому статусу и насущным потребностям. Именно в этих паратекстах, как будет показано, проявилась идентичность Гесснера-врача и одновременно определилось ее отношение к роли филолога-гуманиста, которая была привычна Гесснеру в предшествующие годы.

## 5

Обзор посвячительных писем я начну по хронологии с компендия “**Historia plantarum et vires**” (Basel: R. Winter, 1541), содержащего сведения о целебных свойствах растений и составленного Гесснером на основе трудов Феофраста, Диоскорида, Плиния Старшего, Павла Эгинского и «позднейших» греческих авторов [Gessner, 1541b]. Посвячительное письмо, датированное 9 августа [1540] г., было написано еще в Лозанне, непосредственно перед отъездом. Оно адресовано Генриху Биллингу (?–1541), юноше знатного происхождения, с которым Гесснер учился в Базеле<sup>29</sup>. Раздел, посвященный обоснованию замысла сочинения (“nostrae plantarum historiae ratio”), включает примечательное автобиографическое отступление:

«Посетив несколько месяцев тому назад мой родной и любимый Цюрих<sup>30</sup>, я пару раз заходил поприветствовать Христофа Клаузера, главного врача нашего города. С ним мы вели разные беседы, и он, между прочим, упомянул, что для студентов-врачей будет чрезвычайно полезно, если кто-нибудь составит свод описаний простых лекарственных средств, по Диоскороду, и сведений о целебных свойствах [растений] — по [трудам] Павла Эгинского. Этот совет пришелся мне по душе, тем более что и прежде я сам об этом подумывал»<sup>31</sup> [Gessner, 1541b, f. α3a/b].

Речь идет о поездке в Цюрих, происходившей поздней весной или в начале лета 1540 г. Результатом ее стало не только составление медицинского справочника, но и решение вернуться в родной город, испытывавший потребность в профессиональных врачах. Как мы узнаем из приведенного текста, идея составления «Истории растений»<sup>32</sup> принадлежала самому Гесснеру; тем не менее он посчитал необхо-

<sup>28</sup> О роли филологии в истории наук раннего Нового времени см., например: [Эспань, 2006].

<sup>29</sup> Ср.: [Leu, 2016, S. 59].

<sup>30</sup> См. рис. 1.

<sup>31</sup> Здесь и далее переводы принадлежат автору статьи.

<sup>32</sup> Этот краткий справочник не следует путать с одноименным трудом по ботанике, составлению которого Гесснер посвятил большую часть своей жизни, но который так и остался незавершенным.



Рис. 1. План Цюриха из атласа Георга Брауна «Примечательные города всего мира» [Braun, 1593, f. 44].

Fig. 1. Plan of Zurich from “Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3.” by Georg Braun [Braun, 1593, f. 44]

димым опереться на мнение авторитетного лица. Это позволило ему решить сразу две задачи: с одной стороны, представить традиционное «оправдание публикации» в глазах адресата и читателя; с другой, выразить признательность Христофу Клаузеру, поддерживавшему Гесснера в изучении медицины<sup>33</sup>, и заручиться его поддержкой на будущее. Клаузер получил основательное медицинское образование в Павии, Венеции, Падуе, Кракове и Ферраре и собрал большую домашнюю библиотеку; должность городского врача Цюриха он занимал с 1531 по 1552 г.: [Müller, 2016, S. 99–102]. Достоверность рассказу Гесснера и отдельным его деталям придает то обстоятельство, что Гесснер был знаком с Клаузером со школьных лет: в частности, они вместе участвовали в постановке аристофановского «Плутоса» в *Schola Tigurina* в 1531 г.<sup>34</sup> Круг лиц, к которым отсылает текст посвящения, весьма показателен — это университетский приятель и потенциальный работодатель Гесснера; связи автора внутри республики ученых пока немногочисленны, и он демонстрирует свою лояльность им.

<sup>33</sup> Ср.: [Müller, 2016, S. 103, 117].

<sup>34</sup> [Fischer, 1967, S. 220–223].



## 6

Христофу Клаузеру Гесснер посвятил публикацию, вышедшую в 1542 г., — “*Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*” (Lyon: I. et F. Frellon, 1542) [Gessner, 1542a]. Книга представляет собой фармацевтический справочник на основе трудов Галена и Павла Эгинского. Посвятительное письмо датировано январскими идами (т. е. 13 января) 1541 г. и написано из Лиона, куда Гесснер приехал на книжную ярмарку. Сразу после этого он отправился в Базель, где получил докторскую степень по медицине [Leu, 2016, S. 69–82].

Как и в посвящении Биллингу, в тексте *epistola nuncupatoria* Гесснер называет, кроме себя и адресата, третье лицо, знакомое им обоим, — Альбера Бельфора, знатока медицины и философии, с которым Гесснер, по его собственным словам, только что виделся; более того, общение с ним называется в качестве дополнительной причины для посвящения книги Клаузеру:

«К тебе, высокообразованный Христоф, я испытываю величайшее почтение и тебе я в первую очередь захотел посвятить этот труд (каким бы он ни был), имея для этого прекрасное основание: ведь прославленному Цюриху — общей родине для нас обоих — посчастливилось видеть тебя своим архиатром<sup>35</sup>. Кроме того, господин Альбер Бельфор, ретиец<sup>36</sup>, в совершенстве образованный во всех науках и очень сведущий в медицине и философии, дружеским расположением которого я пользовался здесь (в Лионе. — *Прим. авт.*) на протяжении нескольких дней (такое он проявил великодушие); так вот, благодаря тому, что мы каждыйдневно и со всевозможным почтением упоминали тебя в разговорах, я тем более не мог забыть о тебе» [Gessner, 1542a, f. a4b].

В предисловии к еще одной публикации 1541 г. (“*Sylvula experimentorum Galeni*”<sup>37</sup>), посвященной лионскому врачу Клоду Милле, Гесснер также называет имя Бельфора и еще одного врача — некоего итальянца Бартоломео [Gessner, 1541c, f. 159a]: с ними обоими он «завтракал» в компании Милле. По-видимому, упоминание знакомств было удобным для новичка способом вписать себя в число «граждан» *respublica literaria* и заручиться доверием со стороны адресата и читателей книги. В рассмотренном пассаже следует отметить и проявление Гесснером патриотизма, которое, несомненно, выражало его искренние чувства, но также должно было расположить его земляков и особенно городской совет к возвращающемуся на родину ученому.

Рассказывая о замысле книги, Гесснер ссылается на две другие свои работы на смежные темы (вероятно, еще не опубликованные к тому времени): в приведенных им описаниях можно узнать только что рассмотренную книгу “*Historia plantarum et vires*” (1541), а также “*Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice & Gallice*” (1542), о котором речь пойдет ниже. Таким образом, Гесснер представляет себя не только младшим собеседником уже состоявшихся ученых, но и автором, имеющим

<sup>35</sup> В оригинале по-гречески ἄρχιατρός.

<sup>36</sup> То есть происходящий из Ретии, Восточной Швейцарии.

<sup>37</sup> Вышла в приложении к “*Compendium ex Actuarii Zacharii...*” (см. ниже).

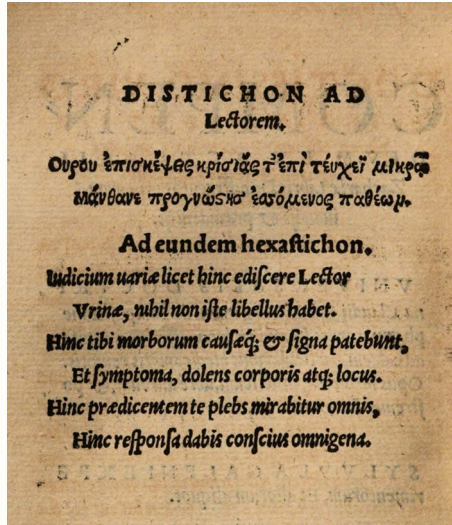


Рис. 2. “Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum” К. Гесснера [Gessner, 1541c], оборот тит. л.

Fig. 2. “Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum” by Conrad Gessner [Gessner, 1541c], title-page verso

собственную программу исследований и публикаций, в которых один и тот же предмет — лекарственные растения — представлен с разных сторон<sup>38</sup>.

«В другом сочинении я представил только названия [растений] на разных языках, а именно, на латинском, греческом, немецком и французском. А еще в одной книжечке я описал растения-заместители, которые имеют одинаковые и равно полезные свойства: все эти работы подготовлены для того, чтобы приносить пользу фармацевтам, снабжая их сведениями о названиях, истории<sup>39</sup> лекарственных растений, возможности заменить одно другим, отборе и приготoвлении [лекарств]» [Gessner, 1542a, f. a3a].

## 7

Еще один медицинский компендий, составленный Гесснером, — “**Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum**” (Zürich: Ch. Froschauer, 1541) — был посвящен уроскопии и опирался на сочинение Иоанна Актуария, византийского придворного врача, жившего на рубеже XIII–XIV вв. Издание включало также выдержки из сочинений Галена (“De compositione pharmacorum”, “Sylvula experimentorum”) [Gessner, 1541c]. Титульный лист и посвящение книги, к сожалe-

<sup>38</sup> Такой подход будет характерен и для более поздних публикаций Гесснера — по библиографии и зоологии.

<sup>39</sup> То есть, об особенностях отдельных видов.

нию, не датированы, колофона в книге нет; год издания не указан и в «Универсальной библиотеке» Гесснера. В датировке публикации я следую за Х. Веллишем [Wellish, 1975, p. 180], а также за сводным каталогом немецких изданий XVI в. (VD16 A 164).

Для самопрезентации Гесснера в паратекстах “Compendium” в равной мере характерна демонстрация своих познаний и навыков в области филологии и медицины. И то, и другое делается не напрямую и как бы *ad hoc*.

Об активном владении автором книги обоими учеными языками должны были свидетельствовать, прежде всего, написанные им эпиграммы на греческом и латинском языках, выступающие в роли краткого предисловия «К читателю»<sup>40</sup>. Они напечатаны на обороте титульного листа: по-гречески — дистих, по-латыни — шестистишие. В обоих сообщается о пользе публикуемого сочинения, но латинский текст подробнее, что можно объяснить практическими соображениями: лишь небольшое число практикующих врачей в первой половине XVI в. хорошо владели греческим [Macleane, 2002, p. 19–20], поэтому рекламный текст разумнее было сочинять на латыни. Замечу также, что начиная со школьных лет и вплоть до конца своей жизни Гесснер поддерживал навык письма на греческом языке — сохранились его окказиональные стихотворения и письма<sup>41</sup>. Ниже я привожу русский перевод обеих эпиграмм.

«Будущий врач, исследуй мочу в маленьком сосуде<sup>42</sup> и узнавай о кризисах болезней».

«По этой книжечке читатель сможет научиться определять различия мочи, здесь сказано об этом все. Из нее ты узнаешь о причинах и признаках болезней, симптомах и пораженных болезнью частях тела. В результате, люди будут восхищаться твоими диагнозами, а ты будешь со знанием дела давать им советы любого рода» [Gessner, 154]c, f. A1b].

Владение обоими языками, с одной стороны, позволяло надежнее интерпретировать труды классических авторов, обращаясь к оригиналам. С другой стороны, демонстрация поэтических способностей была способом заявить о своей принадлежности не только к профессиональному кругу врачей, но и к среде гуманистов, для которой была важной ориентация на классические поэтические формы и образцы стиля<sup>43</sup>.

<sup>40</sup> См. рис. 2.

<sup>41</sup> Некоторые из них привлекли внимание исследователей в недавнее время: [Vogel, 2019; Berhard, Müller, 2022]. Одной из первых публикаций Гесснера была греческая эпиграмма, предвещающая учебное издание “Medicorum schola, hoc est Claudii Galeni Isagoge” (Basel: T. Platter; V. Lasius, 1537) [Galenus, 1537, f. α3a/b]:

«Если кому-нибудь угодно изучить метод врачевания, все его аксиомы и подлинное искусство, различия болезней и всеисцеляющих лекарств, мельчайшие части и устройство человеческого тела, тогда пусть он поспешит купить эту книгу под названием “Введение” и т. д.»

<sup>42</sup> См. рис. 3.

<sup>43</sup> Совершенствование стиля специально отмечается в автобиографии Эразма, замаскированной под рассказ о судьбе его друга Флоренция: [Enenkel, 2008, S. 484].



Рис. 3. Изображение врача с сосудом для мочи из «Описания всех сословий» Ганса Сакса:  
[Sachs, 1568, f. D3a]

Fig. 3. An image of a doctor with a urine vessel from the “Description of all estates on earth”  
by Hans Sachs [Sachs, 1568, f. D3a]

Кроме того, в этом посвящении Гесснер показывает навык критического прочтения древних текстов. В частности, он упоминает о недостатках латинского перевода<sup>44</sup>, по которому ему пришлось составлять компендий, из-за отсутствия греческого оригинала сочинения Актуария (“Graeco exemplari destitutus”), и тут же приводит пример неудачной латинской формулировки. Далее он отмечает невозможность ограничиться классической латинской лексикой при переводе текстов об уроскопии с греческого, «поскольку древние римляне не охватили в своих сочинениях этот раздел медицины»<sup>45</sup>. Таким образом, противоречие между терминологической точностью и стилистическими требованиями классицизма решалось в пользу точности и научной достоверности (Гесснер поясняет: «Не следует требовать от этого текста отделанной речи»<sup>46</sup>). Заметим, что интерес гуманистов к греческому литературному наследию, в отличие от римского, не ограничивался классическим или эллинистическим периодом, но охватывал также византийских авторов, таких как Фотий или Актуарий<sup>47</sup>.

Описывая обстоятельства биографии, связывающие автора с адресатом посвящения (о котором нам ничего не известно, кроме имени — Petrus Iacobus

<sup>44</sup> «Полагаю, что его переводчик или недостаточно владел греческим языком, или пользовался испорченной рукописью» [Gessner, 1541c, f. A2a].

<sup>45</sup> “Neque enim omnino licuisset ubique receptis vocibus uti, cum veteres Latini hanc medicinae partem scriptis non excoluerunt” [Gessner, 1541c, f. A2b].

<sup>46</sup> “Non etiam ullus hic requirendus est orationis cultus” [Там же].

<sup>47</sup> Ср.: [De La Garanderie, 1995, p. 19–25].

Stephanus — и того, что он был испанцем<sup>48</sup>), Гесснер упоминает об интересе обоих к травопознанию и о занятиях местной флорой в Монпелье, где Гесснер недолгое время изучал медицину<sup>49</sup>.

«Я хотел бы иным образом, с большим великолепием, засвидетельствовать тебе свою признательность; но надеюсь, что и то, что оказалось мне по силам, ты примешь с радостью и благосклонностью. Вновь и вновь напоминаю о данном тобой в Монпелье обещании, что ты пришлешь мне семена растений, которыми в особенности богата ваша Испания. Я же позабочусь о том, чтобы и ты получил что-нибудь от меня в ответ. Ты ведь знаешь, как я увлечен этой наукой и [помнишь,] с каким интересом я расспрашивал у тебя в Монпелье об отдельных [растениях], в полях и на побережье, ты же всякий раз охотно и с легкостью удовлетворял мое любопытство» [Gessner, 1541c, f. A3a].

В этом пассаже Гесснер напоминает адресату обстоятельства их знакомства, а также дает понять читателю, что имеет опытные познания не только в швейцарских, но и в средиземноморских растениях. Кроме того, он говорит о продолжении занятий ботаникой: для этого ему необходимы семена. Заметно, что Гесснер общается со своим знакомым на равных: вероятно, они имеют одинаковый статус в республике ученых; географическая удаленность, в свою очередь, придает дополнительный интерес обмену информацией и образцами натуралий.

## 8

Последнее посвящение, о котором здесь пойдет речь, предваряет словарь названий растений на латинском, греческом, немецком и французском языках — “**Catalogus plantarum**” (Zürich: Ch. Froschauer, 1542). Словарь составлен по классическим источникам (в первую очередь, по Феофрасту и Диоскориду), а также учитывает новейшие труды французских и немецких ботаников — Жана Руэля, Иеронима Бока (Трага), Леонарда Фукса. В некотором отношении “Catalogus” мог быть ответом на словарь Отто Брунфельса “*Onomastikon medicinae*” (1534), включавший ботаническую номенклатуру. Это издание Гесснер критиковал позднее, в предисловии к латинскому изданию “*De stirpium historia*” (1552) И. Бока<sup>50</sup>.

Книга посвящена Иоганну Якобу Амману (1500–1573), директору цюрихской школы (в 1537–1560 гг.), в которой учился Гесснер. Амман получил гуманистическое образование в Париже, Базеле и Милане; в Цюрихе он преподавал латинский язык, риторику и диалектику [Stucki, 2001]. В письме Гесснер вспоминает историю их знакомства и наставления, полученные от учителя в разные годы. Как и в некоторых других рассмотренных паратекстах, но гораздо более подробно, он вводит

<sup>48</sup> Ср.: [Blair, 2017; Leu, 2016, S. 60].

<sup>49</sup> [Leu, 2016, S. 65–68].

<sup>50</sup> «Также в своем Ономастиконе, или Медицинском словаре, он (Брунфельс. — М.С.) перечисляет и толкует названия простых лекарств и множество других терминов. Однако этот том наполнен несуразницей и ошибками в терминах и объяснениях в большей мере, чем это приемлемо для ученых людей» [Bock, 1552, f. c4a].

третьего персонажа — своего деда Иоганна Фрика, цюрихского священника, получившего образование на факультете искусств в Тюбингенском университете; у него Гесснер жил и воспитывался с малых лет [Leu, 2016, S. 14–17].

«Не удивляйся, высокоученый наставник Амман, что тебе, занимающемуся более высокими науками, я посвящаю номенклатуру трав, которая многим, вероятно, покажется занятием детским или, наоборот, старческим. Но всякий раз в юные годы, когда ты милостиво привечал меня в своем доме, я замечал, что ты придерживаешься другого, более здравого мнения на этот счет. В особенности же, когда ты рекомендовал мне, направляющемуся во Францию, заняться медицинской наукой, которая, по твоему предположению, более всего подходит для моего ума. С того дня, следуя твоему совету (хотя еще не освоив другие науки, которые необходимы каждому, кто хочет продвинуться в какой-нибудь области знания, я, вопреки собственному желанию, полагал неразумным полностью отдалиться изучению медицины), где бы ни появлялась такая возможность, я с величайшей охотой слушал и читал как о других разделах рациональной медицины, так и, в особенности, о том, который занимается описанием и изучением свойств растений.

Думаю, ты помнишь превосходного и достойного мужа, блаженной памяти [μαχαρίτης] Иоганна Фрика, моего дедушку, — сколь сведущ был он в растениях. В детском возрасте забрав меня от отца, он воспитывал меня в своем доме и часто водил в деревню, объясняя при этом, как заниматься огородом, который был у него хоть и небольшой, но замечательно возделанный. Там были самые разные виды растений, и дедушка говорил мне их названия, усвоив которые, я мог уже сам, по его просьбе, приносить растения из огорода или из поля. Некоторые из них он часто использовал, заботясь о своем здоровье или о здоровье друзей. И потому, оставаясь в добром здравии, не жалуясь ни на какие болезни, благодаря правильному образу жизни и полезному действию трав, а также, как говорят, пользуясь покровительством богов, он продлил свой безупречный век, если не ошибаюсь, до восьмидесяти лет. Я часто думал о добром старце, никогда не выходившем за пределы отцовского поля — о нем говорится в оракуле о счастье, который дал Аполлон. Подобно ему, мой дедушка почти никуда не отправлялся дальше своего дома и огорода, если только не на церковные службы или иногда, но очень редко, на мост через наш Лиммат в Цюрихе<sup>51</sup>, что приносило ему радость и пользу для здоровья» [Gessner, 1542, f. α2a/b].

В этом пространном вступлении Гесснер показывает истоки своего интереса к медицине и лекарственным растениям. Как видно, еще до Кристофа Клаузера к занятиям *materia medica* его побуждали Якоб Амман и Иоганн Фрик (оба — весьма уважаемые люди, связавшие свою жизнь с Цюрихом, что Гесснер не забывает отметить), причем от последнего он получил непосредственные наставления в этой области. Ссылаясь на свои практические навыки в идентификации растений, Гесснер не забывает демонстрировать свое пристрастие к гречестике: греческим шрифтом, помимо μαχαρίτης (вместо лат. *riae metogiae*), в посвящении набрано слово πολύχρητος («многополезный») и одна пословица. Сразу после посвячительного

<sup>51</sup> См. рис. 1.

письма, в качестве эпиграфа к книге, по-гречески напечатана обширная цитата из 7-й песни «Одиссеи» (ст. 112–133) — описание сада Алкиноя [*Gessner*, 1542b, f. 1a]:

«Был за широким двором четырехдесятинный богатый  
Сад, обведенный отвсюду высокой оградой; росло там  
Много дерев плодоносных, ветвистых, широковершинных,  
Яблонь, и груш, и гранат, золотыми плодами обильных,  
Также и сладких смоковниц и маслин, роскошно цветущих...»

(пер. В.А. Жуковского)

## 9

Изучая становление Гесснера-ученого, развитие его научного метода, можно было бы предположить, что его путь пролегал *κατ' ἐξοχήν* от филологии — к медицине: символическим началом этого пути оказался бы отказ от преподавания греческого языка в Лозанне ради медицинских занятий в Цюрихе. Однако анализ всего корпуса гесснеровских публикаций показывает, что, например, занятия лексикографией, начатые им еще в конце 1530-х гг., он продолжал и после выхода «Истории животных», равно как и перевод и подготовку к изданию античных и новолатинских сочинений<sup>52</sup>. Наоборот, исследования, воплотившиеся в незавершенной «Истории растений», несомненно, начались еще в 1540-е гг., при работе над одноименной публикацией и ботаническим словарем.

Все рассмотренные в этой статье ранние медицинские сочинения Гесснера объединяет то, что они еще не имели характера самостоятельных исследований, но представляли собой компиляции и переводы практического или учебного свойства. Гесснер предстает в них начинающим врачом и сильно зависит от литературной традиции: у него не было собственного медицинского опыта, на который он мог бы опереться. Поэтому в паратекстах к этим изданиям для него оказалось важным продемонстрировать уже полученные, преимущественно филологические знания и навыки, которые позволяли ему квалифицированно работать с медицинскими источниками: во-первых, знание древних и современных языков, умение переводить как с греческого языка, так и на греческий; во-вторых, владение филологической критикой, понимание необходимости обращаться к текстам в оригинале и сопоставлять суждения авторов по одному и тому же вопросу.

Но не меньшее значение, как было показано, имели заявления Гесснера, в которых он представлял себя в новой роли, готовя свои дальнейшие шаги в качестве врача и натуралиста. Он выражал признательность и демонстрировал лояльность коллегам и учителям, сообщал о готовности прислушиваться к их советам, принимать правила игры, задаваемые институтами, в первую очередь *respublica literaria*. Кроме того, он заявлял о своих патриотических чувствах, идентифицируя себя с родным Цюрихом, где знали и почитали его учителей и предков. Наконец, он утверждал, что у него есть опытные познания в ботанике и в целом — склонность к получению

<sup>52</sup> Избранную библиографию филологических трудов Гесснера см.: [*Сергеев*, 2018, с. 87–108].

такого рода сведений, что должно было позволить ему при изучении медицины и естественных наук не ограничиваться книжными источниками, но открывать новое и критиковать авторов с разных позиций.

Таким образом, в посвяжительных письмах Гесснера мы наблюдаем сосуществование идентичностей врача и грамматика. Этот синтез замечательно сформулирован им в заглавии другого сочинения этих лет — книги «О молоке и молочных продуктах»: “libellus philologus pariter ac medicus” («книжечка в равной степени филологическая и медицинская») [Gessner, 1541a]. Поиск равновесия между книжным и опытным знанием, критика текстов на основе опыта и вместе с тем экстраполяция филологических приемов в другие области науки будут характерны для Гесснера на протяжении всей его жизни.

### Источники

*Bock H.* De stirpium, maxime earum, quae in Germania nostra nascuntur usitatis nomenclaturis propriisque differentiis ... Commentariorum libri tres. Straßburg: W. Rihel, 1552. [34] f., 1200 p., [32] f.

*Braun G.* Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3. Köln: B. Buchholtz; Antwerpen: Ph. Galle, 1593. [10] f., 59 tab., [8] f.

*Galenus.* Medicorum Schola, Hoc est, Claudii Galeni Isagoge, sive Medicus. Eiusdem Definitionum medicinalium liber. Basel: T. Platter, B. Lasius, 1537. [14] f., 316 p., [12] f.

*Gessner C.* De lacte et operibus lactariis. Zürich: Ch. Froschauer, 1541a. 51 f.

*Gessner C.* Historia plantarum et vires. Basel: R. Winter, 1541b. [4] f., 281, [1] p., [7] f.

*Gessner C.* Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum. Zürich: Ch. Froschauer, 1541c. [8], 183 f.

*Gessner C.* Apparatus et delectus simplicium medicamentorum. Lyon: I. et F. Frellon, 1542a. [20], 275, [1] p.

*Gessner C.* Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice, & Gallice. Zürich: Ch. Froschauer, 1542b. [4], 162 f.

*Gessner C.* Bibliotheca universalis. Zürich: Ch. Froschauer, 1545. [18], 631 f.

*Sachs H.* Euentliche Beschreibung Aller Stände auff Erden. Franckfurt am Mayn: Feyerabents, 1568. [119] Bl.

### Литература

*Гринблатт С.* Формирование «Я» в эпоху Ренессанса: от Мора до Шекспира / Пер. Г. Дашевского // Новое литературное обозрение. 1999. № 1 (35). С. 34–77.

*Живов В.М.* Первые русские литературные биографии как социальное явление: Третьяковский, Ломоносов, Сумароков // Новое литературное обозрение. 1997. № 25. С. 24–83.

*Зарецкий Ю.П.* Автобиографическое «Я» в Средние века и раннее Новое время. М.; СПб.: Петроглиф; Центр гуманитарных инициатив, 2022. 484 с.

*Кочеткова Н.Д.* Посвящения в русских изданиях XVIII века: исследование, тексты, библиографический указатель. М.; СПб.: Альянс-архео, 2020. 584 с.

*Сергеев М.Л.* Сопоставление языков в XVI веке (на примере «Митридата» (1555) Конрада Гесснера): дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018. 234 с.

*Титова Е.В.* Драматургический паратекст: к постановке проблемы // Вестник РГГУ. Сер. «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 2. С. 30–40.



*Шартье Р.* Письменная культура и общество / Пер. И. Стаф. М.: Новое изд-во, 2006. 272 с.

*Эспань М.* Межкультурная история филологии / Пер. С. Козлова // Новое литературное обозрение. 2006. № 6 (82). С. 13–31.

*Bernhard J.-A., Müller C.* Der Gelehrte, der Schüler und ein Gimpelpaar: Ein vergessener griechischer Brief von Conrad Gessner an Johannes Pontisella III // *Zwingliana*. 2021. Bd. 48. S. 129–175.

*Blair A.* Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age. New Haven, London: Yale University Press, 2010. xvi, 397 p.

*Blair A.* Conrad Gessner's Paratexts // *Gesnerus*. 2016. Vol. 73. Pt. 1. P. 73–122.

*Blair A.* The Dedication Strategies of Conrad Gessner // *Professors, Physicians and Practices in the History of Medicine: Essays in Honor of Nancy Siraisi* / Ed. by G. Manning, C. Klestinec. Cham: Springer, 2017. P. 169–209. DOI: 10.1007/978-3-319-56514-9\_10.

*Blair A., Patton M.* A Quantitative Study of the Paratexts in Erasmus-Froben Imprints // *Erasmus Studies*. 2021. Vol. 41. P. 99–181. DOI: 10.1163/18749275-04102003.

*Bots H.* De republiek der letteren. De Europese intellectuele wereld, 1500–1760. Nijmegen: Vantilt, 2018. 224 p.

*Crousaz C.* L'Académie de Lausanne entre Humanisme et Réforme (ca. 1537–1560). Leiden: Brill, 2012. 628 p.

*De La Garanderie M.M.* Christianisme et lettres profanes: Essai sur l'Humanisme français (1515–1535) et sur la pensée de Guillaume Budé. 2. éd. Paris: Honoré Champion, 1995. 443 p.

*Delisle C.* Establishing the Facts: Conrad Gessner's Epistolae Medicinales between the Particular and the General: [Diss. PhD]. London, 2008. 407 p.

*Delisle C.* The Letter: Private Text or Public Place? The Mattioli-Gesner Controversy about the Aconitum Primum // *Gesnerus*. 2004. Bd. 61. P. 161–176.

*Durling R.J.* Conrad Gessner's Liber amicorum // *Gesnerus*. 1965. Bd. 22. P. 134–159.

*Enenkel K.* Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. XVII, 939 S.

*Enenkel K.* "Identities" in Humanist Autobiographies and Related Self-Presentations // *Memory and Identity in the Learned World: Community Formation in the Early Modern World of Learning and Science* / Ed. by K. Scholten [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2022. P. 31–80.

*Fischer H.* [et al.] Conrad Gessner 1516–1565: Universalgelehrter, Naturforscher, Arzt. Zürich: Orell Füssli Verl., 1967. 234, [6] S.

*Friedrich U.* Naturgeschichte zwischen artes liberales und frühneuzeitlicher Wissenschaft: Conrad Gessners "Historia animalium" und ihre volkssprachliche Rezeption. Tübingen: Max Niemeyer Verl., 1995. X, 276 S.

*Goeing A.-S.* Storing to Know: Konrad Gessner's De Anima and the Relationship between Textbooks and Citation Collections in Sixteenth-Century Europe // *Collectors' Knowledge: What Is Kept, What Is Discarded* / Ed. by A.-S. Goeing [et al.]. Leiden; Boston: Brill, 2013. P. 207–242.

*Grafton A.* Conrad Gessner and John Caius: The Meanings of Learned Friendship in Renaissance Europe // *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* / Hrsg. von U.B. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. P. 355–376.

*Leonhardt J.* Latein: Geschichte einer Weltsprache. 2. Aufl. München: Verl. C.H. Beck, 2011. IX, 339 S.

*Leu U.B.* Conrad Gessner (1516–1565): Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance. Zürich: NZZ, 2016. 464 S.

*Lewis M.S.* Introduction. The Dedication as Paratext // *Cui dono lepidum novum libellum?: Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century* / Ed. by I. Bossuyt [et al.]. Leuven: Leuven University Press, 2008. P. 1–11.

*Maclean I.* Logic, Signs and Nature in the Renaissance: The Case of Learned Medicine. Cambridge: CUP, 2002. XVI, 407 p.

Müller C. Conrad Gessner, seine Kollegen und die Reformation des Gesundheitswesens in Zürich // Facetten eines Universums: Conrad Gessner 1516–2016 / Hrsg. von U.B. Leu, M. Ruoss. Zürich: Neue Zürcher Zeitung, 2016. S. 99–118.

Nutton V. An Autobiography by John Caius / Ed. V. Nutton. London; New York: Routledge, 2018. 163 p.

Olivier E. Les années Lausannoises (1537–40) de Conrad Gesner // Schweizerische Zeitschrift für Geschichte. 1951. Bd. 1. H. 3. P. 369–428.

Papy J. Letters // The Oxford Handbook of Neo-Latin / Ed. by S. Knight, S. Tilg. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 167–182.

Stucki H. Johann Jakob Ammann // Historisches Lexikon der Schweiz. 2001. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/010502/2001-06-29/> (date accessed: 24.05.2023).

Vanautgaerden A. Érasme typographe: Humanisme et imprimerie au début du XVIe siècle. Genève: Librairie Droz, 2012. XIII, 632 p.

Vogel K. Thrinodiae herois Huldrychi Zwinglii — Conrad Gessners dichterischer Nachruf auf Huldrych Zwingli // Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften / The Renaissance of Learning / Hrsg. von U.B. Leu, P. Opitz. Berlin: De Gruyter, 2019. S. 465–484. DOI: 10.1515/9783110499056-025.

Wellish H. Conrad Gessner: a Bio-Bibliography // Journal of the Society for the Bibliography of Natural History. 1975. Vol. 7. Pt. 2. P. 151–247.

## **Various Aspects of the Self-Presentation of 16th-Century Polymath (as They Are Expressed in the Dedicatory Letters to the Early Works by Conrad Gessner)**

*MIKHAIL L. SERGEEV*

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology  
of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch,  
St. Petersburg, Russia;  
e-mail: [librorumcustos@gmail.com](mailto:librorumcustos@gmail.com)

The article deals with the problem of self-identification of the 16th century polymath and its expression in scientific publications. The study was based on the dedicatory letters (“epistolae nuncupatoriae”) to the early works of the Swiss philologist and naturalist Conrad Gessner (1516–1565). Of all the paratexts the dedications and prefaces are particularly prone to express the author’s individuality through autobiographical narrative, and Gessner actively used this opportunity for self-presentation and the establishment of connections within scientific community. Given the fact that Gessner did not keep diaries or write memoirs, and his extant correspondence covers mainly the later period, the autobiographical accounts in paratexts prove to be the most important ego-documents, allowing us to reconstruct the early stage of Gessner’s biography and to reveal various aspects of his professional self-identification. The article comments on dedications to several works of medical and botanical content written in the late 1530s and published a few years later: “Historia plantarum et vires” (1541); “Actuarius. De differentiis urinarum” (1541); “Apparatus et delectus simplicium medicamentorum” (1542); “Catalogus plantarum” (1542). Their publication coincided with the period when Gessner left teaching Greek in Lausanne and, returning to Zurich, became actively engaged in medicine and the natural sciences. As analysis of the dedicatory letters has shown, Gessner’s self-presentation during these years was already characterized by a synthesis of the identities of doctor (“medicus”) and

philologist (“grammaticus”). On the one hand, he demonstrated his extensive reading, his mastery of ancient languages, and his commitment to humanistic ideals, he also intended to transfer them to the study of medical questions. On the other hand, he invoked his practical experience of studying plants, arguing that it was necessary to master natural sciences. His main circle of scholarly acquaintances was so far his school and university teachers, to whom he addressed for support, expressing his readiness to follow their advice and to observe the rules of communication accepted in the “*respublica literaria*”.

**Keywords:** history of science, 16th century, botany, medicine, philology, self-presentation, autobiography, polymath, early-career scholar, scientific community.

## Acknowledgment

I dedicate this essay with gratitude to Academician Nikolai Nikolaevich Kazansky, who supported and encouraged me in my early philological endeavors.

## References

- Bernhard, J.A., Müller, C. (2021). Der Gelehrte, der Schüler und ein Gimpelpaar: Ein vergessener griechischer Brief von Conrad Gessner an Johannes Pontisella III, *Zwinglyana*, Bd. 48, 129–175 (in German).
- Blair, A. (2010). *Too Much to Know: Managing Scholarly Information before the Modern Age*, New Haven, London: Yale University Press.
- Blair, A. (2016). Conrad Gessner’s Paratexts, *Gesnerus*, 73 (1), 73–122.
- Blair, A. (2017). The Dedication Strategies of Conrad Gessner, in G. Manning, C. Klestinec (Eds.), *Professors, Physicians and Practices in the History of Medicine: Essays in Honor of Nancy Siraisi* (pp. 169–209). Cham: Springer.
- Blair, A., Paton, M. (2021). A Quantitative Study of the Paratexts in Erasmus-Froben Imprints, *Erasmus Studies*, no. 41, 99–181.
- Bock, H. (1552). *De stirpium, maxime earum, quae in Germania nostra nascuntur usitatis nomenclaturis propriisque differentiis... Commentariorum libri tres*, Straßburg: W. Rihel (in Latin).
- Bots, H. (2018). *De republiek der letteren. De Europese intellectuele wereld, 1500–1760*, Nijmegen: Vantilt (in Dutch).
- Braun, G. (1593). *Urbium praecipuarum totius mundi Lib. 3*, Köln: B. Buchholtz; Antwerpen: Ph. Galle (in Latin).
- Crousaz, C. (2012). *L’Académie de Lausanne entre Humanisme et Réforme (ca. 1537–1560)*, Leiden: Brill (in French).
- De La Garanderie, M.M. (1995). *Christianisme et lettres profanes: Essai sur l’Humanisme français (1515–1535) et sur la pensée de Guillaume Budé*, 2 éd., Paris: Honoré Champion (in French).
- Delisle, C. (2004). The Letter: Private Text or Public Place? The Mattioli-Gesner Controversy about the *Aconitum Primum*, *Gesnerus*, no. 61, 161–176.
- Delisle, C. (2008). *Establishing the Facts: Conrad Gessner’s Epistolae Medicinales between the Particular and the General*: [PhD thesis], London.
- Durling, R.J. (1965). Conrad Gessner’s *Liber amicorum*, *Gesnerus*, no. 22, 134–159.
- Enenkel, K. (2008). *Die Erfindung des Menschen. Die Autobiographik des frühneuzeitlichen Humanismus von Petrarca bis Lipsius*, Berlin; New York: De Gruyter (in German).
- Enenkel, K. (2022). “Identities” in Humanist Autobiographies and Related Self-Presentations, in K. Scholten [et al.] (Eds.), *Memory and Identity in the Learned World: Community Formation in the Early Modern World of Learning and Science* (pp. 31–80), Leiden; Boston: Brill.

- Espagne, M. (2006). Mezkhkul'turnaya istoriya filologii [A cross-cultural history of philology], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 6 (82), 13–31 (in Russian).
- Fischer, H. [et al.] (1967). *Conrad Gessner 1516–1565: Universalgelehrter, Naturforscher, Arzt*, Zürich: Orell Füssli Verlag (in German).
- Friedrich, U. (1995). Naturgeschichte zwischen artes liberales und frühneuzeitlicher Wissenschaft: Conrad Gessners “Historia animalium” und ihre volkssprachliche Rezeption, Tübingen: Max Niemeyer Verl. (in German).
- Galenus (1537). *Medicorum Schola, Hoc est, Claudii Galeni Isagoge, sive Medicus. Eiusdem Definitionum medicinalium liber*, Basel: T. Platter, B. Lasius (in Latin).
- Gessner, C. (1541a). *De lacte et operibus lactariis*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).
- Gessner, C. (1541b). *Historia plantarum et vires*, Basel: R. Winter (in Latin).
- Gessner, C. (1541c). *Compendium ex Actuarii Zachariae libris de differentiis urinarum*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).
- Gessner, C. (1542a). *Apparatus et delectus simplicium medicamentorum*, Lyon: I. et F. Frellon (in Latin).
- Gessner, C. (1542b). *Catalogus plantarum Latine, Graece, Germanice, & Gallice*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).
- Gessner, C. (1545). *Bibliotheca universalis*, Zürich: Ch. Froschauer (in Latin).
- Goeing, A.-S. (2013). Storing to Know: Konrad Gessner’s De Anima and the Relationship between Textbooks and Citation Collections in Sixteenth-Century Europe, in A.-S. Goeing [et al.] (Eds.), *Collectors’ Knowledge: What Is Kept, What Is Discarded* (pp. 207–242), Leiden; Boston: Brill.
- Grafton, A. (2019). Conrad Gessner and John Caius: The Meanings of Learned Friendship in Renaissance Europe, in U.B. Leu, P. Opitz (Hrsg.), *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* (pp. 355–376), Berlin: De Gruyter.
- Greenblatt, S. (1999). Formirovaniye “Ya” v epokhu Rennsansa: ot Mora do Shekspira [The formation of “(My)self” in the Renaissance epoch], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 1 (35), 34–77 (in Russian).
- Kochetkova, N.D. (2020). *Posvyashcheniya v russkikh izdaniyakh XVIII veka: issledovaniye, teksty, bibliograficheskiy ukazatel’* [Dedications in Russian editions of XVIII century: research, texts, bibliography], Moskva, S.-Peterburg: Al’yans-arkheo (in Russian).
- Leonhardt, J. (2011). *Latein: Geschichte einer Weltsprache*, 2. Aufl., München: Verl. C.H. Beck (in German).
- Leu, U.B. (2016). *Conrad Gessner (1516–1565): Universalgelehrter und Naturforscher der Renaissance*, Zürich: NZZ (in German).
- Lewis, M.S. (2008). Introduction. The Dedication as Paratext, in I. Bossuyt [et al.] (Eds.), *Cui dono lepidum novum libellum?: Dedicating Latin Works and Motets in the Sixteenth Century* (pp. 1–11). Leuven: Leuven University Press.
- Macleay, I. (2002). *Logic, Signs and Nature in the Renaissance: The Case of Learned Medicine*, Cambridge: CUP.
- Müller, C. (2016). Conrad Gessner, seine Kollegen und die Reformation des Gesundheitswesens in Zürich, in U.B. Leu, M. Ruoss (Hrsg.), *Facetten eines Universums: Conrad Gessner 1516–2016* (S. 99–118), Zürich: Neue Zürcher Zeitung (in German).
- Nutton, V. (Ed.) (2018). *An Autobiography by John Caius*, London; New York: Routledge.
- Olivier, E. (1951). Les années Lausannoises (1537–40) de Conrad Gesner, *Schweizerische Zeitschrift für Geschichte*, 1 (3), 369–428 (in French).
- Papy, J. (2015). Letters, in S. Knight, S. Tilg (Eds.), *The Oxford Handbook of Neo-Latin* (pp. 167–182), Oxford: Oxford University Press.
- Sachs, H. (1568). *Eygentliche Beschreibung Aller Stände auff Erden*, Franckfurt am Mayn: Feyerabents (in German).
- Sergeev, M.L. (2018). *Sopostavleniye yazykov v XVI veke (na primere “Mitridata” (1555) Konrada Gessnera)*: diss. kand. filol. nauk [Language comparison in the 16th century: on the example of Conrad Gessner’s “Mithridates” (1555): PhD thesis], S.-Peterburg (in Russian).

Shart'ye, R. (2006). *Pis'mennaya kul'tura i obshchestvo* [The written culture and the society], Moskva: Novoye izdatel'stvo (in Russian).

Stucki, H. (2001). Johann Jakob Ammann, in *Historisches Lexikon der Schweiz*. Available at: <https://hls-dhs-dss.ch/de/articles/010502/2001-06-29/> (date accessed: 24.05.2023).

Titova, E.V. (2019). Dramaturgicheskiy paratekst: k postanovke problemy [Dramaturgical paratekst: to the statement of the problem], *Vestnik RGGU, ser. "Literaturovedeniye. Yazykoznaniye. Kul'turologiya"*, no. 2, 30–40 (in Russian).

Vanautgaerden, A. (2012). Érasme typographe: Humanisme et imprimerie au début du XVIe siècle, Genève: Librairie Droz (in French).

Vogel, K. (2019). Thrinodiae herois Huldrychi Zwinglii — Conrad Gessners dichterischer Nachruf auf Huldrych Zwingli, in U.B. Leu, P. Opitz (Hrsg.), *Conrad Gessner (1516–1565): Die Renaissance der Wissenschaften* (S. 465–484), Berlin: De Gruyter (in German).

Wellish, H. (1975). Conrad Gessner: a Bio-Bibliography, *Journal of the Society for the Bibliography of Natural History*, 7 (2), 151–247.

Zaretskiĭ, Yu.P. (2022). *Avtobiograficheskoye "Ya" v Sredniye veka i ranneye Novoye vremya* [The autobiographical "(My)self" in the Middle Ages and early modern times], Moskva, S.-Peterburg: Petroglif; Tsentr gumanitarnykh initsiativ (in Russian).

Zhivov, V.M. (1997). Pervyye russkiye literaturnyye biografii kak sotsial'noye yavleniye: Trediakovskiy, Lomonosov, Sumarokov [The first Russian literary biographies as a social phenomenon: Trediakovsky, Lomonosov, Sumarokov], *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 25, 24–83 (in Russian).